

ЗАВЕРШЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ И ВОПРОС УПРАВЛЕНИЯ КРАЕМ

ВАЛЕРИЙ ТУНЯН

Исследование формирования политики самодержавия в период завершения присоединения Закавказья позволяет показать зарождение различных взглядов внутри правящего класса России, выявить связь с экономическим и политическим положением государства, понять наличие ведомственных различий в управлении отдаленной окраиной.

В начале 20-х годов XIX в. закавказские владения России включали картвельские земли (где Грузия¹ управлялась на основе общегубернского учреждения), североазербайджанские, представлявшие вассальные ханства, часть восточноармянских, которые подчинялись представителям ханов и русской власти. Стремление правительства создать централизованную систему управления поставило в повестку дня реорганизацию местных форм администрации. В 1823 г., после преобразования азербайджанских ханств с передачей полноты власти военным комендантам в русские провинции, главноуправляющему Кавказом А. П. Ермолову было дано указание подготовить ввод в Закавказье государственной административной системы². Планируемое преобразование управления имело целью «нравственно» соединить местное население с центром страны, облегчить проникновение русских товаров на окраину. Решение отвечало интересам помещичьего дворянства, заинтересованного в сбыте сельскохозяйственной продукции, учитывало запросы развивающейся русской промышленности, должно было стабилизировать политическую обстановку в крае, содействовать его закреплению и усилить борьбу за присоединение Кавказа к России³. Закавказье признавалось не временным владением, а составной частью единого государства. Но лишь ирано-русская война, начавшаяся в 1826 г., заставила правительство уделить вопросу управления Закавказским краем значительное внимание.

Успех русских войск осенью того же года над соединенными силами персов и изменников ханов под Шамхором и Елизаветполем, обозначивший перелом в ходе боевых действий, побудил министра финансов Е. Канкрин в октябре 1826 г. подать Николаю I записку «Мысли о Грузии». В ней были подняты вопросы военно-политического и экономического значения региона для России. Рассматривая положение закавказских владений, Канкрин пришел к выводу, что «правительство не имело твердого плана как удержать сей край и управлять им»⁴. В военном отношении, по его мнению, это проявилось в отсутствии оборонительных укреплений и запасников на границе. Признавая присоединение Грузии «невыгодным», поскольку оно обострило отношения с Персией, он считал необходимым осуществить установление новой границы по реке Аракс. Она

¹ Карталино-Кахетинское царство, вошедшее в состав России в 1801 г.

² Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 1268, оп. 1, д. 15, л. 63об.

³ «Архив графов Мордвиновых», СПб., 1903, т. 5, № 1018, с. 148—150.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 186, л. 119.

позволила бы обеспечить безопасность русских владений и получать максимальные доходы. Отвергая необходимость большого количества войск в Закавказье с непривычным для северян климатом, в частности армии в 85 тыс. человек, обременившей бы казну, министр финансов предлагал в помощь русским гарнизонам учредить ландмилицию из грузин, привлечь местные формирования к защите края.

Характерным недостатком существующей системы управления признавалась «самовольная» деятельность главноуправляющих регионом, которым подчинялись Закавказье, Кавказская и Астраханская губернии. Предлагалось принять статут об их правах и обязанностях. Обратившись к вопросу управления, Канкрин остановился на просчетах в Имеретии и Мингрелии (последняя сохраняла владетельного правителя), проявившиеся в восстании 1820 г.:⁵ «между сими единоверцами бунт против нас доказывает существование какого-либо недостатка»⁶.

Преобразование ханств в провинции признавалось положительным явлением, но не лишенным недостатков. Предлагалось ввести систему управления, состоящую из диван-бека и дивана (форма, существовавшая в Имеретии)⁷, с наделением определенной исполнительной властью, поскольку полицейская сохранялась за комендантами, с подчинением финансовых дел казенной палате. Тем самым предполагалось привлечь симпатии азербайджанского населения и уберечь их от влияния единоверцев персиян. При наличии же территорий с преобладанием армянского населения намечался полный ввод русского управления, но в обоих случаях при минимальном вмешательстве в дела местных органов.

Касательно перспектив развития региона Е. Канкрин сделал предположение, что «Закавказский край может сделаться весьма богатою колониею для России,—говорится колония, ибо Провинциею, состоящею с прочими в равных отношениях и обязанностях,—долго быть не может. Из сего, впрочем, следует, что сим краем должно управлять по благо разумной колониальной системе»⁸.

Предлагаемая система управления определялась уровнем экономического развития государства. Краю предназначалась роль потребителя промышленных товаров, поставщика шелка, хлопка, индиго, риса и т. д., денежных поступлений в казну, торгового перекрестка в отношениях России с Персией. Предвиделся затрудняющий фактор: наличие в Закавказье турецких крепостей и борьба горцев Кавказа. Крепости осложняли введение в крае охранительного таможенно-тарифного положения. Ставилась, как предварительное условие ее принятия, задача приобретения Черноморского побережья от Анапы до Ахалцхского пашалыка: значительное внимание обращалось на крепость Поти, игравшую крупную роль в торговле Западной Грузии. Присоединение северокавказских народов признавалось делом трудным, но разрешимым. Министр финансов, при стремлении к детальному анализу положения региона, не принимал в расчет позицию жителей Закавказья, возможно, из-за того, что, по его мнению, единоверие части населения и «улучшение» управления другой должно было обеспечить их верность.

⁵ Речь идет о национально-социальном выступлении населения Западной Грузии против религиозной политики самодержавия в 1819—1820 гг.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 186, л. 120.

⁷ Там же, ф. 1018, оп. 3, д. 218, л. 2.

⁸ Там же, ф. 560, оп. 22, д. 186, л. 117.

Наконец, к возможным недостаткам намеченных преобразований были отнесены: нехватка «исправных» служащих и существующая финансовая система. Намечалась ликвидация внутренних пошлин⁹.

Содержание записки показывает, что она выходит далеко за пределы своего наименования и имеет программный характер. Ставилась цель определить содержание политики Николая I как в отношении Закавказья, так Кавказа и Малой Азии на послевоенное время. Свой отпечаток наложили политическая обстановка эпохи, когда существовала напряженность в русско-турецких отношениях, а также внутриэкономические изменения, связанные с формированием капиталистического уклада. Главная мысль записки Канкрин являлась творческой разработкой идеи французского консула Гамбы в Тифлисе (уподоблявшему «наши загорные области колониям других государств»)¹⁰, высказанной русскому правительству в 1820 г. В экономическом отношении она опиралась на уровень развития России. Интенсивно развивающаяся промышленность в двадцатых годах XIX в. испытала определенное затруднение в 1825 г. (отголосок экономического кризиса в Англии), проявившееся в уменьшении количества основанных фабрик. Сократились обороты нижегородской ярмарки¹¹. Экономические потребности промышленности определяли колониальный интерес к Закавказью.

Записка получила благоприятный отзыв у самодержца, передавшего ее министру финансов 29 ноября 1826 г. с резолюцией «возвращаю с моей благодарностью»¹². Положения документа получили развитие в следующем году. 8 апреля 1827 г. царем была утверждена записка Канкрин «Об устройстве финансовой части в закавказских провинциях». В ней указывалось на необходимость принять подготовительные меры, чтобы после окончания войны с Ираном осуществить следующие мероприятия: 1. Создание единой налоговой системы для закавказских владений; 2. Приведение в порядок государственной собственности; 3. Развитие сельского хозяйства; 4. Изучение горной части. Хотя и говорилось об «усовершенствовании фабричных промыслов», но в целом обращалось внимание на сельское хозяйство, что вытекало из взгляда министра на край как на колонию¹³. В целом она являлась программой мероприятий экономического освоения Закавказья.

Осенью взятием крепости Эривань русские войска вышли к Араксу. 27 октября 1827 г. Канкрин подал царю черновик записки «Меры, предполагаемые по присоединению Ериванской провинции, по части министра финансов». В ней излагалось мнение по ряду важных вопросов, касавшихся Закавказского региона; предлагалось организовать переселение армянского населения, угнанного в Персию не только в ходе войны, но и со времени нашествия персов в 1795 г.; для охраны границы предусматривалось создание ополчения. Но главным в записке было положение о Закавказье как колонии: «Называя Закавказский край колонию, имеется в виду, чтобы не было в предмет правительству присоединить оный к общему государственному устройству, чтобы не надеяться

⁹ Там же, л. 117—121 об.

¹⁰ Там же, ф. 561, оп. 1, л. 34, л. 18 об.

¹¹ П. В. Бурнашев. Очерк истории мануфактур в России. СПб., 1833, с. 40—41; В. Андросов. Статистическая записка о Москве, М., 1832, Примечание, с. 157; «Коммерческая газета». 26. VIII. 1825.

¹² ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, л. 18 б, л. 117.

¹³ «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗРИ), 2 изд., т. 2, 1827, № 1019.

делать из онаго часть России и Российского народа в нравственном смысле, а оставить сей край в виде азиатской провинции, однако сколь можно лучше управляемой»¹⁴.

Исходной субстанцией такого развития могла послужить Эриванская провинция. Вниманию главы финансового ведомства привлекали иностранные источники о значительности доходов местных правителей. Опираясь на данные путешествия по Ереванскому ханству Дж. Морьера в 1813 г., определявшему доходы сардара в сумму 174600 туманов, по округленным подсчетам составлявшим 3600000 руб. ассигнациями, Канкрин предложил оставить доходы с Эриванской провинции на том же уровне. Признав заселение ее поселенцами из России невыгодным, он предложил дать переселенцам из Персии льготы для поощрения разведения шафрана, шелка и хлебопашества. Предлагалось взysкивать налоги первоначально натурою, а в дальнейшем заменить их денежными. Одновременно им рассматривались вопросы стабилизации границ по Араксу и Чороху¹⁵.

В ноябре, по приказанию Николая 1, рассмотрением записки занялись представители Азиатского комитета, занимавшегося вопросами политики региона¹⁶. Министр финансов предложил, чтобы переселенцы получили трехлетнюю льготу по освобождению от всех податей, а вице-канцлер К. Нессельроде предусматривал двухлетний срок. Начальник главного штаба посчитал необходимым, чтобы управление Эриванской провинции «обратило особенное внимание на усиление и улучшение хлопчатой бумаги»¹⁷. Подписанный в начале декабря 1827 г. журнал комитета завершил обсуждение записки. Итоговый документ «О правилах, которые должны служить основанием при управлении Эриванской провинции и проч.» предусматривал единоначалие в управлении и использовании элементов русского административного управления. Правила, составленные министром финансов, имели целью превратить новоприсоединенную территорию в аграрно-сырьевой придаток промышленности страны. Направленный царем главе кавказской администрации «для соображений высших»¹⁸, он отразил определенные сдвиги в политике самодержавия. По вопросам управления Закавказьем оформились две точки зрения: управлять либо русской гражданской системой, либо оставить азиатскую форму правления для колониальной эксплуатации. Решение выносилось на рассмотрение специального комитета. Планируемый орган (материалы для его деятельности вменялось предоставить закавказской администрации) должен был подготовить компетентное мнение.

Главнoуправляющий И. Паскевич, сменивший А. Ермолова, возложил на тифлисского военного генерал-губернатора Н. Сипягина осу-

¹⁴ Цит. по: М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.-Л., 1949, с. 94.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 561, оп. 1, д. 30, л. 4, 96.

¹⁶ «Очерк истории министерства иностранных дел 1802—1902», СПб., 1902, с. 131; ПСЗРИ, т. 2, 1827, № 1328. В состав комитета вошли К. Нессельроде, Е. Канкрин, В. Ланской, И. Дибич, И. Вельяминов.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 561, оп. 1, д. 30, л. 38.

¹⁸ «Акты Кавказской археографической комиссии» (АКАК), Тифлис, 1878, т. 7, № 435, с. 482—484; Архив внешней политики России (АВПР), ф. Гл. архив, 11—33, 1827, д. 2, л. 3.

ществование «Проекта изготовления материалов для предполагаемого комитета управления Закавказским краем». Непосредственную подготовительную работу вел чиновник П. Санковский, хорошо знакомый с регионом. Проект Сипягина-Санковского, посланный 1 января 1828 г. правительству¹⁹, содержал общую постановочную часть, где излагалось состояние края до присоединения и при русском правительстве, а также меры, необходимые для улучшения управления. Существующая система признавалась «тягостною» для населения по причине временного характера, смещении русского законодательства с местными узаконениями. Для намеченного комитета предлагались материалы «систематического порядка» действия. Закавказье рассматривалось состоящим из народов двух разрядов: находящихся под непосредственным управлением правительства (Грузия, Имеретия, Восточная Армения, мусульманские провинции) и косвенным влиянием, как Мингрелия, Гурия, Абхазия и Дагестан, т. е. сохранявших владетельных правителей и местный строй. К третьему разряду относились горские народы Кавказа. Преобразование управления на основе общегубернского касалось народов первого разряда. Намечалось создание пяти областей: Грузинской, Имеретинской, Армянской²⁰ и двух мусульманских. Первая мусульманская область должна была включать Карабахскую, Шекинскую провинции и Талышинское ханство; вторая—Дербентскую, Кубинскую, Бакинскую и Ширванскую провинции. Намечаемое областное правление для Грузии и Имеретии основывалось на уже существующей государственной системе, а по остальным областям предлагалось иметь «особые соображения»—отказ от полного введения русского судопроизводства и делопроизводства, как средство избавления населения от бюрократической волокиты. Закавказские области должны были подчиняться Верховному присутственному месту в Тифлисе. Оно мыслилось главным учреждением, состоящим из департаментов, куда поступали бы дела на ревизию. Из них предлагалось образовать отделение правительствующего сената под председательством главноуправляющего. Главной судебной инстанцией должен был стать Верховный суд, которому предоставлялось право контроля двух инстанций—военно-судных комиссий и областного начальства.

Руководство подготовляемой реформой вверялось комитету по управлению Закавказским краем с местопребыванием в г. Тифлисе. В состав вводились грузинский пражданский губернатор, военно-окружные начальники, начальники областей и чиновники. Широкая представительность деятелей местной администрации предполагала быстрое составление подробного плана организации управления Закавказьем.

Предлагаемые соображения основаны на познании ввода российской системы управления и сосуществования с ней форм, привычных населению. Реализация ее, в сопоставлении с существующим управлением, позволила бы создать централизованный аппарат, имеющий атрибуты центральной власти. Ограничение власти главноуправляющего, создание главного присутственного места означали организацию регио-

¹⁹ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. Военно-ученый архив Главного штаба (ВУА), д. 1016, ч. 1, л. 82.

²⁰ Создание Армянской области, отсутствующее в редакции, представленной правительству, было внесено в проект весной после указа о ее создании. См.: «Отдел письменных источников государственного исторического музея» (ОПИ ГИМ), ф. 254, оп. 1, д. 319, л. 9.

нального управления с исполнительными и распорядительными функциями.

Тем самым, па усмотрение правительства, помимо известных двух взглядов, заключавшихся в введении гражданской системы управления или колониального, была представлена точка зрения, намечавшая поэтапный переход к российской системе. Сипягин доносил, что «подобную мысль» он нашел в записке адмирала Н. Мордвинова «О способах, коими Россия удобнее может привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их оружием». Считая успешнее «кроткие меры», Сипягин полагал, что эти предложения Мордвинова были отклонены и предпочтение отдано военным методам подчинения²¹.

Видный представитель либерального дворянства Н. Мордвинов, в отличие от Канкрин, учитывавшего интересы промышленности, купечества и фиска, выражал мнение помещичьих кругов, заинтересованных в упрочении промышленности страны, как меры, способной противостоять натиску изделий европейских стран на русский рынок, но при сохранении значения сельскохозяйственного развития²². Он предусматривал покорение Кавказа посредством тесных экономических взаимосвязей, просвещения племенной знати и привлечения ее к государственной службе. В сущности, намечалось утверждение на Кавказе мирными средствами, при использовании экономических рычагов, рассчитанное на длительное время²³.

Сходную точку зрения выражала и часть военных кругов, которая выступала за синтез экономических и военных мер. Так, Сипягин не отметил, что перед приездом на Кавказ он получил в Москве наставление у бывшего главноуправляющего Н. Ртищева, выступающего против крайностей к горцам, поскольку это лишь «ожесточает», и требующего гуманного отношения²⁴. Он ссылаясь на более авторитетное мнение, а именно августейшего брата царя Александра I. Тем самым, Сипягин выступил за постепенное вовлечение Закавказья в русскую систему управления, осторожное отношение к населению Закавказья, когда шла борьба с горцами и соседними государствами.

1 января 1828 г. проект Сипягина-Санковского был представлен правительству и получил одобрение Николая I, но с указанием «иметь оные в виду к тому времени, когда по окончании войны обстоятельства позволят заняться новым образованием управления закавказскими владениями»²⁵.

В феврале 1828 г. был заключен Туркманчайский мир. Персия признала власть России над Закавказьем и отказалась от Эриванского и Нахичеванского ханств. Надвигавшаяся русско-турецкая война заставила И. Паскевича ввести в созданной Армянской области общегубернско-окружное устройство²⁶, организовать орган для подготовки реформы. В июне 1828 г. в Тифлисе был создан комитет для изучения све-

²¹ ОПИ ГИМ, ф. 6. оп. 1, д. 64, л. 898—918 об.

²² «Исторические материалы из архива министерства государственных имуществ», СПб., 1891, вып. 1, с. 1—10.

²³ «Архив графов Мордвиновых», с. 148—153.

²⁴ Институт древних рукописей им. М. Маштоца—Матенадаран, ф. Лазаревых, д. 122, п. 108. ед. хр. 14, л. 2 об.

²⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1016, ч. 1, л. 82.

²⁶ Центральный государственный исторический архив Арм.ССР, ф. 90. оп. 1, д. 28, л. 153, 153 об.; Центральный государственный исторический архив ГССР (ЦГИАГ), ф. 2. оп. 1, д. 6655, л. 33.

дений по финансовой части, социальных отношений и законодательства мусульманских провинций. Вменялось представить проект управления с решением вопросов о создании конной милиции, использовании мостных богатств и перехода кочевых племен к оседлости. Членом комитета был назначен муштеид Ага-Мир-Фетте Тавризский, духовный глава шиитского населения, призванного служить в «новом отечестве» целям правительства²⁷.

Гибкость, проявленная Паскевичем в управлении и привлечении симпатий закавказского населения, имела важное значение для боевых действий против Османской порты. Однако весной 1829 г. в Закавказье возникло «волнение умов» среди армян, грузин и азербайджанцев против «солдатства». Трагическая смерть А. Грибоедова, активизация деятельности турецких сил и возможность вступления в войну Персии заставила главнокомандующего обратить внимание на возможную мобилизацию сил местных жителей. Население, обязываемое выставить из пяти дворов одного вооруженного воина, восприняло это, как введение рекрутской системы с 25-летней службой, отрицательно²⁸. Стремясь сбить накал «неповиновения», при наличии благоприятных сообщений о ходе боевых действий против Турции и позиции Персии, Паскевич отложил вопрос формирования милиции из местных жителей²⁹.

Во всеподданнейшем рапорте от 16 мая 1829 г., оправдываясь перед царем за «беспорядки», главноуправляющий поднял вопрос об устройстве гражданского управления. Вопрос был признан актуальным, так как еще в апреле кабинет министров отметил недостаток сведений по финансовой части³⁰, требующих изучения, и побудил Е. Канкрин представить 15 августа 1829 г. проект «Вид управления Закавказской провинции». Он предусматривал создание высшего управления, состоящего из главы закавказской администрации, обладающего властью главнокомандующего и наместника и наместнического совета. Совет должен был иметь председателем тифлисского военного губернатора и троих членов. Предусматриваемым его двум отделениям вверялись, вместо правительствующего сената, судные и гражданские дела края. Провинциальное управление представляли: главный суд из департаментов гражданских и уголовных дел, казенная палата, приказ общественного призрения, медицинская управа, провинциальный банк, окружной таможенный начальник и т. д. Ему вверялись областные управления для территорий с христианским и смешанным составом населения: первые включали Грузинскую, Имеретинскую, Мингрельскую и Гурийскую, а вторые — Эриванскую, Ахалцыхскую и Дагестанскую области. Административно-территориальные единицы подчинялись военным начальникам, предусматривались советники по финансовой, попечительным частям, казначей, канцелярия, два депутата (для областей со смешанным составом — мусульманин и христианин) от населения. Восстанавливались ханства Шекпское, Ширванское, Талышинское и Карабахское, где главенствующее место в управлении отводилось ханам.

Проект охватывал основные ступени управления: высшее, провинциальное, областное, уездное и предусматривал ханства. Новым, в сопоставлении с проектом Сипягина-Санковского, является детализация, на основе общегубернского учреждения, органов администрации. Соз-

²⁷ ЦГИАГ, оп. 2, д. 54, л. 3—7.

²⁸ ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 28, л. 75 об—77.

²⁹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1 (ч. 2а), д. 3841, л. 1—7 об.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 613, ст. 742, л. 392; АКАК, т. 7, № 35, с. 18—20.

дание совета и наместничества усилило бы управление Закавказским краем. Положение о наместничестве не конкретизировалось, но в основе находилась историческая практика. Так, в конце XVIII в. в России было организовано Кавказское наместничество, в 1790 г. присоединенное к Астраханскому, преобразованное в начале XIX в. в губернию и область³¹. Комитет 6 декабря 1826 г., занимаясь изучением проектов, намечаемых Александром I, был вынужден обратить внимание на его намерение в 1816—1821 гг. создать в России наместничества. Вероятнее всего наместник обладал бы властью генерал-губернаторов³², а подведомственные были бы кавказские и закавказские земли. Намечаемое областное управление отталкивалось от рассматриваемого в это время и утвержденного в сентябре 1829 г. штата управления Армянской области³³. Предложение о вводе ханской системы являлось отступлением от существующих в крае отношений, выражало не идею поэтапности установления русского управления, а колониальные воззрения министра финансов.

Проект был прочитан царем 16 августа 1829 г.,³⁴ но рассмотрению его мешала русско-турецкая война. Заключенный в сентябре 1829 г. Адрианопольский мир закрепил за Россией Анапу, Поти, Гурию, Ахалкалаки и Ахалцах, содействовал укреплению военно-стратегического положения в регионе и стабилизировал границы закавказских владений. Важное значение приобретало покорение Кавказа³⁵.

В апреле 1830 г. И. Паскевич обратился с рапортами к царю о положении дел в Закавказье. Предлагалось преобразовать управление: повсеместно ввести общегубернское учреждение и русское законодательство, образовать две губернии и область, создать единое административное управление³⁶. Доклад по предлагаемому преобразованию Николаю I представил военный министр кн. А. И. Чернышев. В политическом отношении реформа, по его мнению, должна была содействовать установлению «единообразия» административных форм окраины с «общим составом империи», подчинив «успешному надзору» властей гражданскую жизнь. Территориальное деление Закавказья по географическому, а не национальному признаку в силу вышеуказанной причины признавалось положительным.

Незнание местным населением русского языка (единственный недостаток, найденный Чернышевым) могло затруднить применение государственного законодательства. Намечалось, по усмотрению самодержца, либо издать свод законов на местном языке, либо назначить чиновников, знающих языки. Первое по «значительности издержек» признавалось маловероятным, а второе — «затруднительным».

Предлагалось проект представить на заключение глав ведомств, поскольку он затрагивал их непосредственные интересы, — внутренних и иностранных дел, финансов и военного. Мнение министров, Паскевича и сенаторов П. Кутайсова и Е. Мечникова, ревизующих край по просьбе главноуправляющего, намечалось рассмотреть в кабинете мини-

³¹ ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 321, л. 13 об.

³² «Журналы комитета, учрежденного выс. рескриптом 6 декабря 1826 г.» («Сб. русского исторического общества», СПб., 1891, т. 74, с. 119, 144—145).

³³ ПСЗРИ, т. 4, 1830, № 3144.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 20, л. 82—83 об.

³⁵ «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.». Ред. Г. Даниэля, Махачкала, 1959, № 32, с. 58.

³⁶ АКАК, т. 7, № 47, с. 35; № 64, с. 53.

стров. Приняв к сведению доложенное, царь приказал сенаторам, доносившим об «открытых ими неустройствах», рассмотреть предложения Паскевича при «личном совещании»³⁷.

Поддержка военным министром проекта командующего Кавказским корпусом основывалась на знании задач, решаемых в окраине. Успешное окончание закавказских войн позволяло, при быстрой военной победе, объединить Кавказ и Закавказье единой системой управления³⁸. Военное министерство, в преддверии этого, сочло возможным для закавказских жителей ввод общегубернского учреждения.

В октябре 1830 г. Е. Канкрин сообщил главноуправляющему свои планы относительно устройства финансовой части Закавказья: «Я мечтаю, что вид сей может служить, так сказать, нитью для дальнейших размышлений, так как во всяком случае необходимо думать о введении по мере возможности европейской системы в сей прекрасной, но еще не совсем устроенной колонии нашей»³⁹.

Министр финансов желал привлечь И. Паскевича, прозванного с санкции царя «вторым Суворовым»⁴⁰, на свою сторону при решении вопроса управления регионом. Канкрин поднял этот вопрос снова перед Николаем I, который затребовал сведения о доходах Эриванской области и Ахалцыха. По доставлении, по предварительным сведениям, они составили от Армянской области в 1828 и 1829 гг. соответственно 118640 и 114503 руб. серебром (разница объяснялась наличием моря), а от Ахалцыха—всего 1221 руб. сер.⁴¹ Изучение данных позволило министру финансов прийти к выводу об организованности и эффективности персидской налоговой системы перед турецкой. Здесь следует учитывать, что поступления с христианского населения, как правило, превышали доходы, получаемые с местного мусульманского элемента, а последний господствовал в Ахалцыхском пашалыке до присоединения. Осуществляемое заселение новоприсоединенных территорий переселенцами из Персии и Турции, основную часть которых составили армяне, потребовало предоставления им ряда льгот, в том числе освобождения от платежа податей в течение ряда лет.

Поступления от Армянской области, составившие очень малую сумму от ожидаемой, привели к разочарованию: «Значительного дохода едва ли ожидать можно». Экстраполяция полученной картины на финансовые возможности региона позволила доложить: «Как Закавказский край вообще дает мало доходов и стоит столько денег и людей, то весьма желательно было бы почерпнуть из онаго более пользы как доходами без отягощения края, так особенно усилением народного богатства России. Но едва ли можно ожидать значительных успехов доколе в том крае не введется постоянное высшее гражданское управление под главным начальством командира войск»⁴².

В представлениях министра финансов проявились новые акценты. От сохранения азиатского управления, основанного на внеэкономическом изъятии натуральных произведений, он перешел к пропаганде гражданского управления и введения общей финансовой системы. Ста-

³⁷ ЦГИА, ф. 1, оп. 1 (ч. 2а), д. 3894, л. 16—17 об.

³⁸ «Движение горцев...», № 61, с. 103.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 561, оп. 1, д. 71, л. 10 об.

⁴⁰ «Движение горцев...», № 32, с. 58; «Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1831—1832 гг.», («Красный архив», 1931, т. 3 (46), с. 135).

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 561, оп. 1, д. 70, л. 45 об.

⁴² Там же, л. 46.

ли конкретизироваться методы превращения Закавказья в колонию: введение общегосударственной административной системы, изъятие значительных денежных поступлений, использование местных сырьевых ресурсов и осуществление сбыта продукции русской промышленности. Реализация возлагалась на главноуправляющего регионом.

20 февраля 1831 г. царь, ознакомившись с соображениями Канкрин, указал, что преобразованием занимаются Паскевич и сенаторы⁴³. Кутайсов и Мечников приложили максимум усилий для выполнения задания. Интересные наблюдения чиновника их канцелярии содержат «Краткие замечания о Закавказском крае». Автор, возможно И. Бларамберг, сумел передать атмосферу напряженности в Закавказье: «Тридцать лет как уже Грузия приобщена к Российской державе, и в тридцать лет почти не подвинулась ни в чем вперед. Неприязнь, недоверчивость, скрытность и всемогущая сила предрассудков обременяют страну сию...»⁴⁴. Он, показав отсутствие поступательности в развитии, обратил внимание на недостатки судопроизводства (допускалась возможность их устранения введением русского законодательства взамен кодекса царя Вахтанга)⁴⁵. Отмечена и слабость экономических уз, когда местные купцы предпочитали русским товарам иностранные⁴⁶: «Связи, соединяющие сей край с Россией, во многих отношениях не имеют должного направления и поэтому при нынешних политических явлениях могут разрушиться несмотря на единоверие россиян с туземцами»⁴⁷. Необходимость реформы выводилась из осознания важности усиления политико-экономического единства Закавказья с государством, которое, возможно, улучшит положение местного населения: «Надобно иметь терпение ждать, какие последствия произойдут от нового преобразования»⁴⁸.

Рассмотрение проекта реформы из-за польских событий, наличия противоположных мнений затянулось до 1833 г., когда Государственный совет для изучения этого вопроса создал в Петербурге комитет об устройстве Закавказского края. Он состоял из министров — военного, внутренних дел, финансов и юстиции, поскольку «различные виды» администраторов затрачивали интересы их ведомств⁴⁹.

Завершение присоединения Закавказья поставило самодержавие перед необходимостью преобразования системы управления. 1826—1833 гг. стали периодом оформления и кристаллизации трех направлений: полного ввода общегубернского учреждения, поэтапного и колониального. Различия взглядов исходили из интересов различных групп правящего класса, которые, составляя опору, абсолютизма, были едины в необходимости закрепления и освоения окраины, создания действенной формы управления региона и контроля над ним. Вхождение Закавказья в состав высокоразвитого Российского государства, как подчеркивал Ф. Энгельс, явилось актом прогрессивного значения, имевшим благоприятные последствия для местных народов⁵⁰.

⁴³ Там же, л. 45.

⁴⁴ Центральный государственный архив военно-морского флота, ф. 19, оп. 4, д. 377, л. 17—18.

⁴⁵ Свод действующего грузинского законодательства.

⁴⁶ Там же, л. 9—10, 17—18 об.

⁴⁷ Там же, л. 17 об.

⁴⁸ Там же, л. 17.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 2, д. 23 а, л. 118—123.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 27, с. 240, 241.

ԱՆԴՐԿՈՎԿԱՍԻ ՄԻԱՎՈՐՄԱՆ ԱՎԱՐՏԸ ԵՎ ԵՐԿՐԱՄԱՍԻ
ԿԱՌԱՎԱՐՄԱՆ ՀԱՐՑԸ

ՎԱՍԵՐԻ ԹՈՒՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ՚ մ

Անդրկովկասի միավորման ավարտը, որը տեղի ունեցավ XIX դ. 20-ական թվականների վերջերին, ինքնակալության առաջ անհրաժեշտություն հարուցեց վերափոխելու երկրամասի կառավարման սխեման: 1826—1833 թթ. հանդիսացան երկրամասի կառավարման հարցում տարբեր հայացքների ձևավորման ժամանակահատված: Տարբերությունը պայմանավորված էր իշխող դասակարգի տարբեր խմբերի շահերով, որոնք, կազմելով միապետության հենարանը, միասնական էին ռեգիոնի ամրապնդման, յուրացման և կառավարման արդյունավետ ձևի հաստատման հարցերում: